

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Леденец на палочке

МАЙКЛ ГАРРЕТТ

Убийца пригнулся к рулю припаркованного автомобиля, практически невидимый в темноте. Он наблюдал, ждал.

Учащенное дыхание со свистом вырывалось из груди, пульс отдавался в ушах, его буквально распирало от ярости. До половины одиннадцатого оставалось несколько минут, в мотеле она находилась уже больше трех часов. Ее машина стояла у двери, она не могла не выйти из мотеля. И вот тогда он намеревался отправить ее в ад, самое подходящее для нее место.

А грохот выстрелов, полагал он, растворится в постоянном гуле транспортного потока на автостраде. «Я иду в кино с Дэбби», — сказала она. Хорошенькое кино. Он понял, что она лжет, еще до того, как слова сорвались с ее языка. Очень уж нарочито она избегала его взгляда.

Время шло. Револьвер «38-й спешл» казался игрушкой в его огромной, затянутой резиновой перчаткой руке. «Детский пугач», думал он. Он-то отдавал предпочтение «магнуму». Но «38-й» не мог вывести на него, а убойной силы патрона с лихвой хватало на то, чтобы лишить ее жизни. И бойфренда тоже. Гребаный сукин сын, трахающий чужих жен! Кто он такой, убийцу не интересовало.

Он глубоко вдохнул, чтобы хоть немного успокоить нервы. Снаружи заметно похолодало. Ветровое стекло покрылось ледком, и дыхание паром вырывалось из ноздрей. Сверкающая поблизости синяя неоновая вывеска окрашивала пар в неприятный синюшный цвет. Убийца протер запотевшее изнутри ветровое стекло, уселся по-удобнее, плотно закрыл глаза, покачал головой.

Он же тысячу раз предупреждал ее, что вышибет ей мозги, если она посмеет только взглянуть на другого мужчину, но она, судя по всему, не отнеслась к его словам с должной серьезностью. И этим допустила ошибку. Роковую ошибку. «Она моя и никто не имеет права прикасаться к ней!» Он заскрипел зубами, подумав о том, чем она занималась все это время, в тысячный раз задался вопросом, сколько еще будет продолжаться это безобразие.

Внезапно открылась дверь мотеля. Высокий, худощавый мужчина, примерно ее возраста, подержал дверь, пропуская даму вперед, и она выпорхнула в холодную ночь, будто имела полное право находиться здесь в столь поздний час. Запахнула длинную, до пят, шубку и улыбнулась этому галантному сукиному сыну. Который, широко улыбаясь, выдержал паузу, а потом двинулся следом, не отрывая глаз от ее ладной фигурки. Догнал, наверное, решил что-то сказать на прощание.

Сдерживаемая ярость выплеснулась наружу. Горло перехватило. Сердце выскакивало из груди. Боль сжала голову, словно железным обручем. Он шумно сглотнул слюну, толкнул дверцу, вывалился из автомобиля, на ватных ногах направился к ней.

— Сука! — взвизгнул он. — Гребаная трахающаяся сука!

Ее голова повернулась к нему, в глазах отразился ужас. Бойфренд остановился, попятился, надеясь нырнуть в дверь и спастись в коридоре мотеля.

Но прежде чем он успел взяться за ручку, убийца поднял револьвер, зажатый в правой, в резиновой перчатке, руке, пальцами левой, для устойчивости, обхватил запястье руки с револьвером. Прицелился, дважды выстрелил. Сука закричала, когда два фонтана крови

забили из груди бойфренда, и он распластался на холодном асфальте. Убийца направил револьвер на истерично вопящую суку, над коротким стволом еще вился дымок.

— Нет! — кричала она. — Нет! Это...

Но убийца пришел не для того, чтобы выслушивать объяснения. Он их уже наслушался. Да и удары сердца, отдающиеся в ушах, заглушали ее вопли. Поздно ей вымаливать прощение.

Он, может, и спросил бы, как она могла совершить столь чудовищную глупость, но его спугнул свет, зажегшийся в ближайших окнах мотеля, раздвигающиеся занавески: постояльцы желали знать, с чего такой шум. А она, воспользовавшись секундным замешательством убийцы, по-прежнему крича, бросилась к нему, забарабанила кулачками по груди, чуть не сорвала фальшивую бороду. Ее визг сводил его с ума. Он с такой силой толкнул женщину, что она повалилась на асфальт рядом со своим умирающим любовником.

— Заткнись! — крикнул он. — Вина твоя — не моя, — по щекам заструились ледяные слезы. — Спасибо, что облегчила мне задачу, — и выпустил в нее оставшиеся в обойме пули.

* * *

Резкий стук в дверь разбудил Патрика Фарра в начале первого ночи. Он с трудом разлепил веки, медленно вырываясь из объятий сна. Что происходит? Он в мотеле, за сотни миль от дома. Кто может стучать в дверь? И почему не позвонили по телефону? Может, пожар?

— Одну минуту, — Патрик натянул штаны. Потянувшись к дверной ручке, посмотрел в глазок. В коридоре стоял полицейский в форме. Недоумевая, Патрик открыл дверь.

— Патрик Фарр? — коп с каменным лицом прочитал его имя и фамилию, записанные в блокноте.

Патрик кивнул, разом встревожившись. Неужели что-то случилось дома, со Сью и детьми?

— Да, это я, — нервно ответил он. — Что произошло?

Оба полицейских пробормотали свои фамилии и показали жетоны, но охваченный тревогой Патрик не разобрал ни слова, ничего не разглядел.

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, — продолжил каменнолицый коп.

Патрик впустил их в номер. Практически сразу дал им прозвища, очень уж разнилось их поведение. Здоровяк, настоящий мачо, старший в паре, безусловно мнил себя Суперкопом. Второй, ростом ниже среднего, вообще не выглядел полицейским. Разве что Миникопом. В маленьком номере сразу стало тесно.

— Сесть можно только на кровать, — извинился Патрик.

— Вы садитесь, мы постоим, — рыкнул Суперкоп, а Патрик, примостившись на краешке кровати, начал злиться. Что, в конце концов, происходит? Почему они лишают его столь необходимого сна?

— Где вы были этим вечером в половине одиннадцатого, мистер Фарр? — спросил Миникоп. Раздражение Патрика прорвалось наружу. Достали его эти полицейские.

— Нет уж, постойте, — прошипел он, зная, что лицо залилось краской, верным признаком того, что он злился. — Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы, не зная, чем они вызваны. Суперкоп глубоко вдохнул, выпятил грудь. И Патрик мгновенно понял, что его ложная бравада никакого результата не даст.

— Извините, что побеспокоили вас, мистер Фарр, — голос сочился сарказмом, — но мы поговорим или здесь, или в другом месте. Выбор за вами.

Тревога Фарра усилилась. За всю жизнь ему не приходилось иметь дела с полицией. Более того, он всегда симпатизировал копам, принимал их сторону. Должно быть, произошла

какая-то досадная ошибка. Но сейчас, сидя на кровати в майке и брюках, глядя снизу вверх на стоящих над ним одетых в форму, вооруженных копов, он чувствовал себя маленьким и... беззащитным.

Миникоп шагнул к кровати, его лицо чуть смягчилось.

— Похоже, мы неудачно начали разговор, мистер Фарр. Я сожалею об этом, — он замолчал, воспользовался паузой, чтобы пожать руку Патрика, потом продолжил. — Некоторое время тому назад на автостоянке мотеля застрелили мужчину и женщину. Мы опрашиваем всех постояльцев. Вдруг кто-нибудь что-то увидел или услышал.

Новость его не порадовала. Мотель этот, конечно, не «Уолдорф-Астория», но выглядел достаточно пристойно. Патрик всегда выбирал менее дорогие мотели, экономя на командировочных, но до клоповников не опускался. И отреагировал изумленным: «Вау».

— Вы здесь по делам или поразвлекаться? — спросил Суперкоп.

— Разумеется, по делам, — ответил Патрик.

— Когда вы вернулись в мотель вчера вечером? — спросил Миникоп.

— Весь вечер пробыл в номере, с семи часов, — ответил Патрик.

— Один? — рявкнул Суперкоп.

Патрик замялся, сглотнул слюну, надеясь, что копы не заметили замешательства, которое вызвал у него этот вопрос. Кэнди провела с ним большую часть вечера, они в полной мере использовали возможности, которые предоставляла широченная кровать, стоящая в номере, но признаться в этом он не мог. Во-первых, у него дома остались жена и дети, во-вторых, у Кэнди был муж и трое детей. А вдруг копы захотят, чтобы он дал показания в суде? Публично он бы никогда в этом не признался.

— Да, один, — пробормотал он, отводя от копов глаза. — Смотрел телевизор.

Вновь возникла пауза, Патрик чувствовал, что его поведение анализируют, как под микроскопом. Наконец, Миникоп нарушил молчание.

— Слышали или видели что-нибудь необычное?

— Нет, ничего, — без запинки ответил Патрик.

— Не слышали ни криков, ни...

— Ничего. Абсолютно ничего, — прервал его Патрик.

Суперкоп шагнул к телевизору, включил. На экране высветился уровень громкости.

— Похоже, телевизор у вас не орал. Вы должны были что-то слышать. Черт, ваша комната в непосредственной близости от места преступления.

Патрик почесал затылок.

— Насколько я помню, примерно в это время я принимал душ. Не услышал бы и взрыва бомбы.

Миникоп чуть кивнул, тогда Как Суперкоп через плечо Патрика устался на кровать.

— Позвоните нам, если вдруг что-то вспомните, — Миникоп протянул Патрику визитку. — А пока нам надо опросить других постояльцев.

Патрик выдавил из себя улыбку, но ему определенно не понравились взгляды, которыми напоследок одарили его полицейские. Да, он солгал, но ведь это не преступление? Отметили они его реакцию на вопрос, провел ли он вечер в одиночестве? Черт, убийство произошло у самого мотеля. Любого потрясло бы известие о такой трагедии. Любой как-то да отреагировал бы, не правда ли?

Как только за копами закрылась дверь, Патрик повернулся к кровати и обмер. Свидетельства

вечернего экстаза налицо. Одеяло и покрывало сброшены в сторону, а на простыне характерное пятно. Да еще на ночном столике обрывок упаковки от презерватива. Дерьмо! Только круглые идиоты могли этого не заметить. Теперь они точно знали, что он им солгал, возможно, даже зачислили его в подозреваемые.

Патрик пробежался трясущимися пальцами по редющим волосам. Черт! Следует ему найти копов и все им рассказать? Из мотеля они пока не ушли. Но тогда они захотят допросить и Кэнди! Дерьмо! Два года у них все шло без сучка и задоринки, и вот на тебе! Из-за чьих-то разборок под угрозой поставлено благополучие их семей.

Патрик уставился на часы. Начало второго. Он уже знал, что не уснет. Взял трубку, позвонил на регистрационную стойку.

— Алле? Это Патрик Фарр из двести второго. Можете вы мне сказать, о какой стрельбе спрашивают копы?

Ночной портье, судя по голосу, глубокий старик, начал вилять: «Я мало что знаю. Застрелили парочку. Женщина мертва. Парень, по их словам, вот-вот отдаст концы.

— Их хотели ограбить?

— Не знаю. Не думаю.

— Они тут жили?

— Один из них.

Патрик замялся.

— Вау! Такие преступления тут в порядке вещей?

— Первое за пять лет, которые я здесь работаю, — ответил ночной портье.

Патрик поблагодарил его, положил трубку на рычаг, глубоко задумался, нервничая из-за того, что мог рухнуть созданный им и Кэнди мир фантазии, рухнуть из-за стрельбы, не имевшей к ним ни малейшего отношения.

Уже собравшись погасить свет, Патрик увидел на полу обертку от леденца на палочке, и его захлестнули не столь уж далекие, прошло лишь несколько часов, воспоминания. Когда дело доходило до секса, Кэнди показывала себя такой выдумщицей...

Моложе его на двадцать лет, никогда раньше она не выглядела такой прекрасной, женственной, нежной. Лежала на спине поперек кровати, нагая, чуть подсвеченная настольной лампой, с белокурыми волосами, рассыпавшимися по подушке.

— Готова отведать своего любимого лакомства, сладенькая? — прошептал он.

Кэнди изогнула брови и озорно улыбнулась.

— М-м-м, похоже, ты принес Кэнди что-то вкусненькое, — проворковала она.

Патрик рассмеялся.

— Именно то, что ты любишь, сладенькая.

Сунул руку в сумку, достал круглый леденец на палочке. Улыбка Кэнди стала шире.

Патрик снял обертку, бросил ее в сторону корзинки для мусора, торопясь перейти к действию, которому Кэнди его и научила.

Устроился между ее длинных, стройных ног, сунул леденец в рот. Судя по выражению ее лица, она никак не могла дождаться, когда же он перейдет к делу.

— Конечно, мне больше нравится другой способ смачивать леденец, — промурлыкал Патрик.

— О котором я узнал от тебя.

Он наклонился ниже, к выбритой «киске», не удивился, что «дырочка» уже сочится соком. Пробежался языком по складкам половых губ, подразнил кончиком набухший клитор,

почувствовал, как по ее телу побежала дрожь наслаждения. Достал изо рта леденец, зажал палочку между большим и указательным пальцами. Кэнди застонала от удовольствия и закрыла глаза.

Покручивая палочку, Патрик начал водить твердый леденец вверх-вниз меж ее половых губ. Кэнди напряглась, изогнула спину, на лице отразилось блаженство. Он сунул леденец в рот.

— Вкусно, однако, — вернул леденец в прежнее место.

Кэнди постанывала от удовольствия.

— Ты хорошо усваиваешь уроки.

Второй рукой Патрик поглаживал бархатистые бедра.

— Ты слаще любой конфетки, — он положил блестящий от влаги леденец на ночной столик.

— Приберегу это лакомство на потом, чтобы насладиться им после твоего ухода.

Лег рядом в ней, поцеловал в нежнейшие губы, и она со всей страстью ответила на поцелуй. А потом они неспешно занялись любовью, слились воедино, постепенно, но уверенно поднимаясь на вершину блаженства, которой и достигли к взаимному удовлетворению.

Рядом с мотелем вдруг загудел грузовик и Патрика вырвало из сладостных воспоминаний. Сможет ли он жить без Кэнди, если волею обстоятельств их отношения станут достоянием общественности? Для него она превратилась в наркотик. И оставалось только надеяться, что найдется способ уберечь их секрет. * * *

Проснулся Патрик рано. Ему не терпелось вернуться домой и по электронной почте сообщить Кэнди об убийствах в мотеле. Он уже собирал вещи, когда вновь раздался громкий стук в дверь. Патрик подпрыгнул от неожиданности, нервы за последние часы сильно расшатались, прильнул к «глазку», увидел стоящего в коридоре Суперкопа.

— Решили уехать пораньше, не так ли? — спросил Суперкоп, когда Патрик открыл дверь.

— Да нет, — Патрик знаком пригласил полицейского войти. — Мне бы хотелось вам помочь, но, клянусь, я ничего не видел и не слышал.

Суперкоп переступил порог, закрыл дверь, лениво огляделся, потом сунул руку в карман и достал леденец на палочке.

Патрика как громом поразило. Совпадение? На лбу выступил холодный пот. Он попытался что-то сказать, но не смог. А Суперкоп снял с леденца обертку, сунул его в рот.

— В каком-то телесериале лысый коп любил эти леденцы. Не помню только, как его звали.

— Я думаю, Коджек, — ответил Патрик. — Телли Савалас.

Суперкоп пожал плечами. Подробности его не интересовали. Патрик чувствовал, что нервы его напряжены, как натянутые струны. Что тут делает этот коп? Чего ему надо?

Суперкоп откашлялся.

— Не встречались с сексопильной блондинкой по имени Кэнди? Кэнди Бурнетт? — буднично так спросил он, не глядя на Патрика.

У Патрика упало сердце. Копы уже прознали о ней! Он глубоко вдохнул, закрыл глаза, покачал головой.

— Послушайте, если об этом станет известно, пострадают невинные люди.

Суперкоп ничем не выразил сочувствия. Отвернулся от Патрика, снял с внутренней ручки табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», открыл дверь, перевесил на наружную, снова закрыл, запер на замок. Вновь обратил закаменевшее лицо к Патрику.

— Я все знаю о тебе, Фарр. Пришел час расплаты.

Волна страха прокатилась по Патрику. Он покраснел до корней волос.

Суперкоп какое-то время злобно смотрел на него, потом рявкнул: «Не очень-то ты расстроен. А ведь твою подружку наштиговали свинцом».

У Патрика закружилась голова, колени подогнулись, он плюхнулся на кровать. Нет, не могли ее убить! Не могли! Только не Кэнди! Но как? Почему?

— Выкладывай все, Фарр, — сурово продолжил Суперкоп. — Почему ты ее убил?

— Что?

Патрика чуть не вывернуло наизнанку. Мало того, что Кэнди больше нет, так еще его обвиняют в убийстве! Хуже ничего быть не могло. Он потерял Кэнди, а теперь, похоже, терял семью, а то и свободу.

— Нет... я... — Патрик пытался объяснить, но от горя у него перехватило дыхание. — Я не могу в это поверить. Только не Кэнди! Кто мог ее убить?

— Обставил все так, будто ее убил ревнивый муж, не правда ли, Фарр? — не унимался Суперкоп. — Убить ни в чем не повинного парня и выставить его бойфрендом своей подружки — это круто. Можно сказать, гениальный ход, — Суперкоп достал леденец изо рта, повертел палочку между пальцами. — Бедняга, должно быть, случайно выходил из мотеля одновременно с ней.

Патрик не ответил. Поникнув плечами, сидел на кровати, медленно мотая головой. Его трясло, руки дрожали. Наконец, он поднял голову, посмотрел на полицейского, по щекам текли слезы.

И только тут заметил, что выражение лица Суперкопа изменилось. Ноздри его раздувались, глаза сверкали от ярости, губы разошлись в зверином оскале.

Голова у Патрика пошла кругом. «Что же тут происходит? — подумал он. — Что нужно от него этому полицейскому?»

Дыхание с шумом вырывалось из груди Суперкопа, пока он натягивал на правую руку резиновую перчатку и доставал из правого кармана револьвер «38-й спешл».

— Она говорила тебе, что замужем за копом, Фарр? — прохрипел он.

Глаза Патрика медленно вылезли из орбит. Он покачал головой.

— Я так и думал. Большинству парней не хватает духа трахать жену копа, — Суперкоп помолчал, вздохнул. — Как я понимаю, нам надо закончить одно дельце, так?

У Патрика учащенно забилося сердце. Рот открылся, но с губ не сорвалось ни слова.

— Никогда не задумывался о самоубийстве, Фарр? — спросил Суперкоп. — Такой, как ты, наверняка впал бы в глубокую депрессию, застрелив двух невинных людей.

И прежде чем Патрик понял, что происходит, мускулистые руки Суперкопа скрутили его, как смирительная рубашка. Рукоять револьвера оказалась в правой руке Патрика, правая рука копа обхватила ее снаружи, начала поднимать к голове. Патрик не нашел в себе сил сопротивляться. Да и что он мог противопоставить такому здоровяку? Почувствовал, как холодный ствол уперся ему в висок. Внезапно вспомнил свои совсем недавние мысли: он подумал, что хуже ничего быть не могло.

И, как выяснялось, ошибался. Могло быть хуже.

Гораздо хуже.

Перевел с английского Виктор Вебер MICHAEL GARRETT CANDIE-GRAM